

ЖУРНАЛИСТИКА

З.Г. Кудрявцева (Россия, Уфа)

НАРРАТИВ КАК ФОРМА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ СТРАХ

В статье рассматривается нарратив как форма освещения политических событий в медиакоммуникации и его роль как инструмента манипуляции массовым сознанием через страх. Являясь мощным средством воздействия на аудиторию, политический страх способен сковывать объективное критическое мышление, навязывать аудитории тактики поведения, выгодные манипулятору. Тактики манипуляции, актуализирующие сильное неконтролируемое чувство тревоги у аудитории, задействуются с целью искажения фактов политических событий. Основными свойствами функционирования нарратива в политической коммуникации являются субъективность и эмоциональность, позволяющие осуществлять направленное манипулятивное воздействие на читателя.

Ключевые слова: *политический дискурс, средства массовой информации, страх, манипуляция, нарратив, речевое воздействие.*

Вследствие сложной геополитической обстановки в современном мире человек находится в постоянном страхе за безопасность своей жизни – перед болезнями, кризисами, террором, разрушением окружающей среды. Чувство страха является одним из фундаментальных эмоциональных процессов человеческой психики, который всё чаще используется в политической коммуникации в качестве средства манипуляции.

Для достижения целей воздействия чувство страха задействуется как инструмент манипуляции, причина в эффективности которого кроется в его свойствах. Питирим А. Сорокин указывает, что чувства-эмоции, в частности страх, могут стихийно передаваться от человека к человеку и влиять на их взаимное поведение [12]. Страх способен захватить сознание как отдельного индивида, так и передаваться в обществе, сковывая объективное мышление. Человек невольно концентрирует внимание вокруг объекта страха или феномена, непосредственно или косвенно связанного с ним, в результате чего может глубоко погрузиться в это состояние, абстрагируясь от других элементов окружающей действительности.

Являясь доминирующей эмоцией, страх оказывает огромное влияние на когнитивные процессы. И.В. Радиков отмечает, что политический страх провоцирует заторможенное политическое мышление, неспособность самостоятель-

но объективно осмыслить транслируемую информацию [5, с. 45]. С.Г. Кара-Мурза также отмечает, что чувство страха парализует объективное мышление и адекватную оценку передаваемой информации, т.к. «иррациональный страх – очень действенное средство «отключения» здравого смысла и защитных психологических механизмов» [4, с. 93].

О.В. Эпштейн говорит о целенаправленности негативного воздействия и установке на подчинение массового сознания посредством внушения чувства страха. Автор характеризует политику страха как «политическую деятельность, осуществляемую лицами, заинтересованными и имеющими средства и возможности эксплуатировать «страх» с целью манипуляции массами» [9, с. 216]. Причем политика страха может существовать во всех политических режимах, а не только в недемократических политических системах, как может показаться. Отличие кроется лишь в открытости использования механизмов этой политики – в недемократических политических системах состояние политического страха встроено в сам политический процесс, а в демократических режимах смещается «на периферию политической жизни, при этом сохраняясь в сфере неполитического, в повседневной жизни» [5, с. 49].

Политики реализуют тактики манипуляции через воздействие на чувство страха, не только чтобы оправдать политические изменения перед избирателями, но и незаметно проводить изменения в социальной сфере общества, используя страх «в качестве инструмента формирования определенной системы ценностей, морали и политических норм» [6, с. 28].

Политическая манипуляция задействует несколько взаимосвязанных механизмов, процессов внедрения в массовое сознание неких сведений под видом объективной информации через воздействие на «болевы точки общественного сознания, возбуждающие страх, тревогу, ненависть и т.д. Кроме того, в процессе манипуляции необходимо воздействие на реализацию декларируемых и скрывааемых замыслов, достижение которых манипулятор связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции» [3, с. 29]. Успешность этого воздействия зависит от нескольких условий: предполагаемая угроза должна быть персонализирована для придания ей реальности и значимости, т.е. ассоциироваться с определенным человеком или политической группой. Кроме того, решением этой проблемы должна располагать только обвиняющая сторона, фокусируя внимание на единственном, выгодном лишь ей решении ситуации [5, с. 46].

В условиях жесткой экономической конкуренции коммерческие СМИ широко распространяют выгодный материал в погоне за рейтингом, просмотрами, подписками. П. Бурдые предполагает, что журналистика всё более и более подчиняется требованиям политики и экономики, но при этом «все больше и больше навязывает свои требования всем остальным и, особенно, полям культурного производства, полю социальных наук, философии и т.п., а также полю политики» [2, с. 130]. Средства массовой информации обладают огромным потенциалом воздействия на читателя: являясь крупнейшим источником информации об обстановке в мире, масс-медиа могут формировать мировоззрение

читателя в необходимом им ключе. Полагаясь на истинность предоставленных сведений, читатель создает свою картину происходящего в мире, по сути отражающую сообщения СМИ, а не основанную на реальности [10, с. 93].

В таком ключе нарратив является наиболее удобной формой освещения политических событий. Обладая большим потенциалом к субъективизации информации, нарратив позволяет автору придумать историю и подогнать под неё реальные факты и события, выражая предвзятое мнение и навязывая его читателям. Примером может служить заявление Бориса Джонсона относительно планов внешней и оборонной политики Великобритании. Многочисленные СМИ подхватили нарратив выступления премьер-министра, основным посылом которого явился концепт «Россия - угроза». Статья CNN “UK labels Russia top security threat, issues warning on China, and promises to build more nuclear warheads” насыщена тактиками нагнетания чувства страха у читателя. Лексические доминанты текста представлены существительным и глаголом “*threat*” и “*challenge*”, употребленными в относительно небольшой статье 6 раз и 4 раза соответственно [11]. Усиление речевого воздействия происходит также за счет использования стилистических фигур, сопровождающих авторскую аргументацию, ведь «чтобы в чем-либо убедить аудиторию, надо сначала привлечь ее внимание, чему и служат тропы, или риторические фигуры, украшения, благодаря которым речь поражает своей новизной и необычностью и вдруг оказывается информативной» [8, с. 101]. Эпитеты, сопровождающие описание, “*top security challenge*”, “*most acute*”, “*direct*”, “*urgent*”, “*immediate*” убеждают читателя в серьезности и значимости исходящей опасности [11].

В качестве эмоциональных раздражителей в тексте активно задействуется военная лексика, в том числе неоднократно упоминаемые номинации средств вооружения “*weapon*” – 1, “*warhead*” – 2, “*missile*” – 2, “*army*” – 2, “*submarine*” – 5 [11]. Доминирующая нейтральная лексическая единица “*force*” использована в тексте 10 раз, однако в сопровождении военно-окрашенных эпитетов “*armed*”, “*military*”, “*cyber*” она приобретает негативную окраску [11]. Самый активный в тексте эпитет “*nuclear*” сочетается с множеством существительных в различной градации с целью вызвать у читателя особое чувство страха перед использованием разнообразных видов ядерного оружия [11].

Образ России в нарративе предстает враждебным и несущим угрозу гражданам Евросоюза, по этой причине политика по отношению к этой стране требует объединения военных, разведывательных и дипломатических усилий (“*combining military, intelligence and diplomatic efforts*”). Для сдерживания ядерной угрозы со стороны России Великобритания вынуждена увеличить траты на оборону, чтобы сохранить мир и безопасность в Европе, защитить европейских союзников и саму Великобританию от агрессии России (“*deter nuclear, conventional and hybrid threats to our security, particularly from Russia*”, “*could be committed to defending its European allies as well as the UK itself*”, “*preserving peace and security in Europe*”, “*expand its presence in the high-tech realms of space and cyberspace*”) [11].

Однако утверждения об опасности политики России в отношении других стран не подкреплены никакой доказательной базой. Все обвинения, представленные в статье, являются лишь выражением субъективной авторской позиции, служащей для оправдания увеличения трат на военную отрасль якобы для защиты страны и киберпространства от нападков России. Целью автора нарратива является влияние через страх с помощью демонизации категории «чужих», которая используется в роли «эмоционально-когнитивного раздражителя в массовой коммуникации, рисуя образы непримиримых врагов, преследующих цель создания обстановки тревоги, нагнетания страха и чувства паники, создания атмосферы неизвестности и угрозы войны» [7, с. 21]. Апелляция к категории «свой»/«чужой» становится излюбленным приемом политической манипуляции, предполагающим единение страны перед общей угрозой «через исключение из структурных компонентов внутренней политики» посредством создания внешнего врага как объекта страха [5, с. 45].

В условиях постоянной политической конфронтации страх становится удобным инструментом манипуляции массовым сознанием. Эта простая и в то же время сложная человеческая эмоция, которая, по мнению русского философа Н.А. Бердяева, «лежит в основе жизни этого мира» [1, с. 78], позволяет воздействовать на аудиторию, сковывая объективное критическое мышление и навязывая выгодные манипулятору тактики поведения. Нарратив является подходящей формой репрезентации информации, позволяющей субъективно представить политические события, выражая авторскую точку зрения. Нарративная форма описания событий предполагает насыщенность эмоциональным и оценочным контекстом, вплетенным в саму структуру нарратива, что дает возможности незаметно навязать аудитории предвзятую авторскую позицию по отношению к тому или иному явлению. Речевоздействующий эффект в рассмотренном нарративе производится через активное использование военной лексики, стилистических фигур, демонизации категории «чужой» при отсутствии реальной аргументации своей позиции. Автор активно задействует тактики манипуляции, актуализирующие сильное неконтролируемое чувство тревоги у аудитории, с целью искажения фактов политических событий.

Литература

1. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Paris: YMCA-press, 1952. 246 с.
2. Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики [Электронный ресурс]/ П. Бурдьё. // О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой. Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 105—141. [Режим доступа]: <http://bourdieu.name/content/burdepole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki> (дата обращения 21.03.2021).
3. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. №1. С. 29-55.
4. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляции сознанием. Киев: Орианы, 2000. 490 с.
5. Радиков И.В. Политический страх как фактор современной политики // Власть. 2017. №4. С. 43-49.

6. Туманова О.И. Страх как инструмент политики // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 4 (23). С. 27–31.
7. Чанышева З.З. Этологические аспекты управления массовым поведением // Политическая лингвистика. 2020. №1 (79). С. 16-26.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. М.: Петрополис, 1998. 432 с.
9. Эпштейн О.В. Лексические показатели политики страха: на материале заголовков англоязычной прессы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. С. 215-218.
10. Callanan, Valerie J. (March 1, 2012). «Media Consumption, Perceptions of Crime Risk and Fear of Crime: Examining Race/Ethnic Differences». *Sociological Perspectives*. 55 (1): 93–115.
11. CNN, UK labels Russia top security threat, issues warning on China, and promises to build more nuclear warheads [Электронный ресурс] / [Режим доступа]: <https://edition.cnn.com/2021/03/16/europe/uk-security-defense-review-intl-hnk-gbr/index.html#:~:text=UK%20labels%20Russia%20top%20security,to%20build%20more%20nuclear%20warheads&text=To%20accomplish%20its%20goals%2C%20the,it%20spent%20in%202019%2D2020> (дата обращения 22.03.2021).
12. Sorokin P.A., Horowitz I.L. *Man and Society in Calamity* [Электронный ресурс] / P.A.Sorokin. New Brunswick (USA); London (UK): Transaction Publishers, 2017. p.362. [Режим доступа]: https://books.google.ru/books?id=4R0uDwAAQBAJ&pg=PT25&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (дата обращения 20.02.2021).

Т.Н. Новосильцева (Россия, Санкт-Петербург)

ОБРАБОТКА БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ДАТА-ЖУРНАЛИСТИКЕ

В статье рассматриваются понятия больших и открытых данных, определение дата-журналистики и основные принципы работы с большими данными в дата-журналистике. Большие данные описываются путем сопоставления понятий из словарей и определения их основополагающих признаков. Процесс работы с большими данными разделен на этапы обработки и визуализации. На этапе обработки описываются основные журналистские приемы и компьютерные технологии, а на этапе визуализации приводятся примеры инструментов для работы журналистов.

Ключевые слова: *большие данные, дата-журналистика, журналистика данных, медиатекст.*

В цифровую эпоху количество открытой информации для хранения и распространения в интернете растет с каждым годом, образуя массивы данных. В связи с этим появились особые термины – «big data» и «большие объемы данных». Большие данные лежат на стыке между технической стороной, которая собирает и анализирует информацию, и журналисткой, которая исследует, трактует и представляет результаты.

Расширение информационных возможностей привело к появлению новых задач современной журналистики. С усложнением процесса сбора и обработки